

12+

Чайлд М.

Сестра из зеркала

Чайлд М.

Сестра из зеркала

«Издательские решения»

Чайлд М.

Сестра из зеркала / Чайлд М. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699857-5

Маша не любила понедельники и постоянно жалела о неверных выборах. Однажды её отражение в старом зеркале заговорило и предложило поменяться местами на один день. Маша попала в идеальный мир, где всё идёт по плану, а её двойник занял место в реальном. Но зеркальная сестра не захотела возвращаться, и Маше пришлось искать путь домой. Ей помогут новые друзья, а главное — она поймёт, что идеальная жизнь не стоит одного дня, прожитого по-настоящему.

ISBN 978-5-00-699857-5

© Чайлд М.

© Издательские решения

Сестра из зеркала

Чайлд М.

© Чайлд М., 2026

ISBN 978-5-0069-9857-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой зеркало оказывается дверью, а день начинается с обмана

Маша не любила понедельники. Впрочем, вторники, среды и четверги она тоже не особенно жаловала. Пятница была чуть получше — впереди маячили два выходных дня, когда можно было не вставать в семь утра, не заплетать тугие косички, от которых к вечеру болела голова, и не слушать занудный голос Марьи Петровны, объяснявшей дробь так, словно это были тайные заклинания из колдовской книги. Но самым противным днём недели, безусловно, был понедельник. И не потому, что начиналась учебная неделя, а потому, что именно в понедельник Маша с особенной ясностью понимала: всё могло бы быть иначе.

Вот, например, сегодня утром она опять проспала. Будильник на стареньком телефоне зазвенел ровно в семь, как и было велено, но Маша, не открывая глаз, нащупала кнопку и уронила голову обратно на подушку. Ей снилось что-то удивительно приятное: будто она летает над городом, задевая руками пушистые облака, похожие на сахарную вату. Облака были тёплыми и пахли бабушкиными пирожками с яблоками. Разве можно добровольно променять такое счастье на умывание холодной водой и манную кашу с комочками?

В результате из дома она выскочила, на ходу застёгивая пальто, с рюкзаком, в котором что-то подозрительно гремело — кажется, забытый вчерашний бутерброд вступил в борьбу с пеналом. Косички получились разной длины, и правая, более короткая, торчала в сторону, придавая Маше вид взъерошенного воробья. По дороге в школу она успела наступить в лужу (хотя дождя не было уже три дня — откуда взялась эта предательская лужа прямо у подъезда?), и левый ботинок теперь хлюпал при каждом шаге, издавая жалобный чавкающий звук.

А в школе, на первом же уроке, выяснилось, что она забыла дома тетрадь с домашним заданием по математике. Марья Петровна посмотрела на неё поверх очков тем самым взглядом, от которого хотелось немедленно провалиться под парту, в подвал, а оттуда — прямо к центру Земли, где жарко и темно, и никто не спрашивает про нерешённые уравнения. Маша пробормотала что-то про «забыла на столе» и «честное слово, я всё сделала», но учительница лишь покачала головой и поставила в журнале жирную точку, что было хуже любой двойки — это означало, что теперь она точно вызовет Машу к доске на следующем уроке и будет ждать чуда. А чуда не случится, потому что задачу Маша решала вчера вечером вместе с мамой и так до конца и не поняла, откуда в ответе взялся этот дурацкий икс, равный пятнадцати, если, по её мнению, там должно было получиться что-то около двадцати трёх с половиной.

На перемене Лизка Сорокина, сидевшая за первой партой и всегда имевшая вид прилежной отличницы, рассказала, что её взяли в школьную команду по шахматам. Маша вздохнула. В прошлом году она тоже хотела записаться в шахматный кружок, но постеснялась прийти одна, а потом кружок переполнили младшеклассники, и места уже не осталось. Теперь она жалела об этом каждую перемену, глядя, как Лизка важно шествует по коридору с коробкой под мышкой и загадочным видом гроссмейстера.

И так было во всём. Маше постоянно казалось, что она опаздывает, не дотягивает, выбирает не ту дверь. Вот если бы в тот понедельник, когда объявляли о наборе в кружок, она не пошла в столовую за лишней булочкой, а сразу в кабинет номер двенадцать, — может, сейчас

бы она сама шёлкала ферзей и слонов. Если бы вчера она не засмотрелась на смешного кота за окном, когда мама объясняла задачу, — в тетради бы красовалось аккуратное решение, и Марья Петровна не смотрела бы так строго. Если бы сегодня утром она встала по первому звонку будильника, а не по пятому... Если бы... Если бы... Это «если бы» жужжало в голове, как назойливая муха, и портило настроение даже тогда, когда, казалось бы, всё шло хорошо.

После уроков Маша побрела домой. Хлюпающий ботинок уже почти высох, но теперь внутри хрустел песок, и каждый шаг отдавался неприятным скрипом. Погода стояла пасмурная, серые облака висели низко, цепляясь за антенны на крышах. Ветер швырял в лицо мелкую колючую крупу не то дождя, не то снега — в ноябре с погодой всегда была путаница. Деревья стояли голые, чёрные, и только на ветках старого тополя у подъезда болтался забытый кем-то полиэтиленовый пакет, хлопая на ветру, словно подбитая птица.

Дома пахло борщом и почему-то валерьянкой. Мама, как всегда по понедельникам, была на работе до вечера, и Маша привычно разогрела себе обед, оставленный в кастрюле на плите. Ела она без аппетита, вяло ковыряя ложкой густую свекольную жижу. Мысли вертелись вокруг сегодняшней неудачи с математикой и того неприятного чувства, что она снова всё сделала не так. Покончив с обедом и кое-как вымыв тарелку (на краю осталось жирное пятно, но Маша решила, что мама не заметит), она поплелась в свою комнату.

Комната у Маши была небольшая, но уютная. Вдоль стены стоял старый письменный стол, доставшийся ещё от старшей двоюродной сестры, а до того — от бабушки. На столе царил творческий беспорядок: вперемешку лежали учебники, цветные карандаши, огрызок яблока, начатый вчера рисунок акварелью (кот с зелёными глазами и фиолетовыми усами, потому что синий карандаш куда-то запропастился), клубок шерстяных ниток, пластилиновый человечек без одной руки и несколько гладких камушков, привезённых с моря прошлым летом. Над столом висела полка с книгами — сказками, приключениями и парой энциклопедий про динозавров, которых Маша одновременно боялась и любила. У окна стоял старый фикус в глиняном горшке, который мама называла «твоим зелёным другом» и просила поливать, но Маша вспоминала об этом только тогда, когда листья начинали грустно опускаться вниз.

Но самым главным предметом в комнате, её молчаливым свидетелем и хранителем тайн, было зеркало. Оно стояло в углу, в массивной деревянной раме, потемневшей от времени и покрытой затейливой резьбой. Зеркало досталось им от прежних хозяев квартиры, когда родители только въехали сюда много лет назад, ещё до Машиного рождения. Мама хотела его выбросить — говорила, что рама слишком громоздкая и пыльная, да и стекло какое-то мутноватое, но папа заступился: «Пусть стоит, вещь старинная, с характером». И зеркало осталось.

Маша часто смотрелась в него, особенно когда никто не видел. Она вставала перед ним в полный рост, рассматривая своё отражение: худенькая девочка с двумя несимметричными косичками, вздёрнутым носом, усыпанным веснушками (летом их становилось ещё больше, и мама шутила, что Машу похитило солнце и расцеловало в лицо), и серыми глазами, которые в зависимости от освещения казались то зелёными, то голубыми. Сегодня глаза были серыми, под стать небу за окном.

Маша вздохнула и встала перед зеркалом. Она сделала строгое лицо и погрозила своему отражению пальцем:

— Вот скажи мне, Мария, почему ты всё время всё портишь? Почему ты не можешь встать вовремя? Почему у тебя вечно то тетрадь забыта, то задача не решена, то лужа под ногами сама собой материализуется? А?

Отражение в зеркале, разумеется, повторило её движения и её хмурое выражение лица. Но Маше на мгновение показалось... Впрочем, нет, просто показалось. Устала она сегодня. Плохой день. Очень плохой понедельник.

Маша хотела уже отвернуться и пойти делать уроки (или хотя бы сделать вид, что делает, пока не придёт мама), как вдруг её внимание привлекла странная деталь. Отражение в зеркале

было точно таким же, как и всегда, — та же комната за спиной, тот же стол, тот же фикус. Но на отражённой полке с книгами, прямо за плечом зеркальной Маши, стояла ещё одна книга, которой в реальной комнате не было. Маша точно помнила, что на этом месте лежит синий томик сказок Андерсена, а над ним — энциклопедия динозавров. А в отражении между ними втиснулась тонкая книжица в ярко-красной обложке с золотым тиснением.

Маша замерла. Она медленно, не отрывая взгляда от зеркала, протянула руку назад, к полке, и нащупала пальцами знакомые корешки. Андерсен. Динозавры. Между ними — пустота. Никакой красной книги. Она снова посмотрела в зеркало. Красная книга была там, отчётливо видимая, с золотыми буквами, которые складывались в название, прочитать которое Маша не могла из-за расстояния.

Сердце у Маши забилося чаще. Она часто заморгала, думая, что это просто усталость глаз или игра света. Но книга не исчезла. Более того, пока Маша стояла столбом, боясь пошевелиться, её отражение... её отражение вдруг улыбнулось. Само по себе. Маша не улыбалась, она стояла с приоткрытым от удивления ртом. А девочка в зеркале смотрела прямо на неё и улыбалась спокойной, даже какой-то снисходительной улыбкой, как улыбаются взрослые, глядя на расшалившегося ребёнка.

Маша отшатнулась и чуть не упала, зацепившись ногой за ковёр. В зеркале отражение повторило её движение, но как-то... плавно, что ли? Без той резкости и испуга, которые испытала настоящая Маша. Зеркальная девочка выпрямилась, поправила невидимую складку на платье (хотя на Маше была кофта и джинсы, а в зеркале отражалось точно такое же) и снова улыбнулась.

— Ты... ты кто? — прошептала Маша, чувствуя, как по спине бегут мурашки, размером с хорошего таракана.

Зеркальная девочка в ответ лишь пожала плечами и поднесла палец к губам, словно призывая к молчанию. Потом она сделала шаг вперёд и оказалась совсем близко к стеклянной поверхности. Теперь Маша видела её лицо во всех подробностях: те же веснушки на носу, те же серые глаза, та же неровная правая косичка. Но было и отличие. Взгляд у зеркальной Маши был другой — уверенный, спокойный, даже немного насмешливый. Так смотрит человек, который точно знает, что будет дальше, и это «дальше» ему очень даже нравится.

— Ты кто? — повторила Маша громче, забыв о предостерегающем жесте. — Ты не я! Ты... ты не моё отражение!

И тут зеркальная девочка заговорила. Голос её звучал приглушённо, словно доносился из-за толстой стены, но слова были разборчивы.

— Конечно, не отражение, — сказала она, и в её голосе послышались нотки превосходства. — Я — это ты. Только лучше.

— Что значит «лучше»? — Маша нахмурилась. Ей стало обидно. Мало того что день не задался, так ещё и собственное отражение над ней издевается.

— А то и значит, — зеркальная девочка сложила руки на груди. — Я — та Маша, которая никогда не просыпает. У которой всегда сделаны уроки. Которая не боится записаться в шахматный кружок первой и уже обыгрывает всех третьеклассников. Я — Маша, которая не спотыкается о лужи и у которой косички всегда одинаковой длины. Я — правильная Маша. Маша-Идеал.

Маша слушала, раскрыв рот. Всё, о чём она думала сегодня весь день, все её «если бы», вдруг обрели голос и смотрели на неё из зеркала с ехидной улыбкой.

— Откуда ты взялась? — спросила Маша, всё ещё не веря своим ушам.

— Оттуда, — зеркальная девочка неопределённо махнула рукой себе за спину. — Из Зазеркалья. Там живут все твои правильные поступки. Каждый раз, когда ты о чём-то жалеешь, когда думаешь «вот если бы я тогда поступила иначе», — эта иная реальность появляется здесь.

И я в ней живу. Я — твоя неслучившаяся жизнь. Все твои правильные выборы, собранные в одном месте.

Маша почувствовала, как к горлу подступает комок. Это было невероятно, невозможно, но в то же время... почему-то казалось правдой. Она всегда чувствовала, что с этим старым зеркалом что-то не так. Иногда, проходя мимо него в сумерках, она замечала боковым зрением, что отражение движется с крошечной задержкой. А однажды, когда у неё была высокая температура, ей показалось, что отражение смотрит на неё с жалостью. Тогда она списала всё на жар, но теперь...

— И что тебе от меня нужно? — спросила Маша, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Зачем ты со мной заговорила?

Зеркальная Маша (Маша-Идеал, как она себя назвала) наклонила голову набок, рассматривая свою реальную двойницу с интересом.

— Я хочу тебе помочь, — сказала она. — И заодно... немного развеяться. Устала я быть идеальной. Ни одной ошибки, ни одной лужи, ни одной двойки. Скукота. А у тебя, я смотрю, жизнь весёлая. Всё время что-то случается. То будильник проспичь, то тетрадь забудешь. Приключения каждый день!

— Ничего весёлого, — буркнула Маша. — Стыдно всё время.

— Вот и давай поменяемся, — неожиданно предложила зеркальная девочка, и глаза её загорелись лукавым блеском. — Ненадолго. На один день. Ты поживёшь в моём мире, посмотришь, как всё могло бы быть, если бы ты всегда поступала правильно. А я поживу в твоём, почувствую вкус настоящей жизни. Ошибки, сюрпризы, непредсказуемость. Представляешь, как интересно?

У Маши перехватило дыхание. Предложение было настолько ошеломляющим, что она не сразу нашлась с ответом. Поменяться местами? С этой странной девочкой из зеркала? А вдруг это ловушка? В сказках, которые Маша читала, зеркала никогда не были просто стёклами. Они были порталами в иные миры, полные опасностей и чудес. Но ведь это только сказки... Или нет?

— А как мы поменяемся? — прошептала Маша, чувствуя, что её любопытство перевешивает страх. — Через зеркало? Я разобьюсь?

— Глупости, — фыркнула Маша-Идеал. — Никакого стекла нет. Вернее, оно есть, но для нас с тобой сейчас это не стекло, а дверь. Ты просто должна очень сильно захотеть оказаться на моём месте. И протянуть руку. Я сделаю то же самое. Мы коснёмся друг друга через отражение — и на один день поменяемся. Ровно в полночь всё вернётся на свои места. Честное зеркальное слово.

Маша колебалась. За окном уже ступали ноябрьские сумерки, в комнате становилось темно, и только зеркало, казалось, излучало собственный бледный свет. Ей было страшно. Но ещё сильнее ей было интересно. Увидеть тот мир, где она всё делает правильно? Где нет никаких «если бы»? Где она не краснеет перед учительницей и не слышит насмешек за спиной? Да она бы многое отдала за такую возможность!

— А ты... ты точно вернёшься? — с сомнением спросила Маша. — И я смогу вернуться?

— Обижает, — Маша-Идеал прижала руку к груди. — Я же сказала: честное зеркальное слово. Оно нерушимо. В полночь, когда часы пробьют двенадцать, мы снова окажемся каждая в своём мире. Ты даже не заметишь, как пролетит время. Ну, решайся! Ты же хотела узнать, как выглядит жизнь без ошибок? Вот тебе шанс.

И Маша решилась. В конце концов, что она теряет? Один день. Всего один день. Она протянула правую руку к зеркалу, слегка дрожа от волнения. Ладонь упёрлась в холодную гладкую поверхность. С той стороны зеркала Маша-Идеал тоже вытянула руку, и их ладони встретились. Только вот вместо твёрдого стекла Маша вдруг почувствовала... ничего. Абсолютно ничего. А затем мир вокруг неё начал стремительно меняться.

Это было похоже на то, как если бы она нырнула в очень холодную воду, но при этом осталась совершенно сухой. Перед глазами всё поплыло, комната исказилась, словно отражение в кривом зеркале, звуки стали глухими и далёкими. Маша зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, то поняла, что стоит на том же самом месте. Но всё вокруг было... другим.

Нет, комната осталась её комнатой. Тот же стол, та же полка с книгами, тот же фикус у окна. Но каждая деталь выглядела так, словно над ней поработал невидимый художник-перфекционист. На столе царил идеальный порядок: учебники сложены аккуратной стопкой, цветные карандаши, все до одного, стояли в стакане, остро заточенные, словно к бою. Огрызка яблока не было и в помине, зато лежал чистый лист бумаги с начатым рисунком — тот самый кот, но теперь у него были зелёные глаза и усы нормального чёрного цвета, и выглядел он так, будто вот-вот спрыгнет с листа. Пластилиновый человечек, целый и невредимый, обеими руками держал крошечный пластилиновый мяч. Камушки с моря были разложены по размеру — от самого большого до самого маленького.

Книги на полке стояли ровно, корешок к корешку. И между синим томиком Андерсена и энциклопедией динозавров действительно красовалась та самая книга в красной обложке с золотым тиснением. Теперь Маша смогла прочитать название: «Справочник юного идеала». Рядом с книгой лежал раскрытый дневник, исписанный аккуратным, каллиграфическим почерком. Маша подошла ближе, всё ещё ошарашенная происходящим, и прочитала последнюю запись: «Понедельник, 14 ноября. Утро началось с зарядки (15 минут). Завтрак: овсяная каша с ягодами. В школу пришла за 20 минут до начала уроков. Ответила по математике на отлично, решила дополнительную задачу у доски. Получила благодарность от Марьи Петровны. На перемене выиграла партию в шахматы у Лизы Сорокиной (мат в три хода). После школы: уроки сделаны, комната убрана. Полила фикус. Вечером планирую чтение дополнительной литературы и подготовку к олимпиаде по русскому языку».

Маша перечитала запись дважды. Значит, здесь, в этом мире, она действительно всё делает идеально. У неё даже дневник есть, где она записывает свои достижения! Маша оглянулась на зеркало. Оно по-прежнему стояло в углу, но теперь в нём отражалась... её собственная комната. Та, прежняя, с беспорядком на столе и пыльным фикусом. А в отражении стояла Маша-Идеал, но теперь она выглядела как обычная Маша — с растрёпанными косичками и растерянным выражением лица. Их взгляды встретились, и зеркальная девочка (теперь уже настоящая, живущая в реальном мире) подмигнула ей и показала большой палец. Мол, всё отлично, не волнуйся.

Маша вздохнула и отошла от зеркала. Итак, она в мире правильных выборов. Что ж, надо осмотреться. В комнате было непривычно тихо и чисто. Даже воздух казался каким-то... стерильным, что ли. Не хватало привычного запаха пыли от книг и лёгкого аромата маминых духов, который обычно витал в коридоре. Вместо этого пахло чем-то вроде лимонной полироли для мебели и свежестью, как в больнице.

Маша вышла из комнаты и направилась в гостиную. Там тоже всё блестело. Кресла стояли ровно, подушки на диване были взбиты и разложены симметрично. На журнальном столике лежала стопка газет, сложенных уголок к уголку. На кухне, куда Маша заглянула следом, на столе стояла ваза с тремя идеально одинаковыми яблоками и тарелка с печеньем, выложенным по кругу.

— Маша, ты уже поела? — раздался голос из гостиной. Маша вздрогнула и обернулась. В дверях стояла мама. Но не такая, какой Маша привыкла её видеть по вечерам: уставшая, с растрёпанными волосами, в домашнем халате. Эта мама была одета в аккуратное платье, волосы уложены в красивую причёску, а на лице — спокойная, безмятежная улыбка.

— Э-э... да, мам, — неуверенно ответила Маша, вспомнив запись в дневнике про овсяную кашу.

— Умница. Тогда, может, сможешь мне разобрать старые фотографии? Я давно собиралась, и вот сегодня как раз есть время.

Маша кивнула. Они сели на диван, и мама достала большую картонную коробку, доверху набитую фотоальбомами и отдельными снимками. Маша с любопытством принялась перебирать фотографии. Это были снимки из их семейной жизни, но все они выглядели как-то... иначе. Вот Маша в первом классе, с огромным букетом гладиолусов, стоит на линейке, и лицо у неё сияет не просто радостью, а какой-то взрослой уверенностью. Вот она получает грамоту на школьном конкурсе чтецов. Вот на утреннике в костюме белочки — костюм сидит идеально, нигде не морщит, хвост пушистый и ровный. На всех фотографиях Маша-Идеал улыбалась так, словно знала какой-то секрет.

— Ты всегда была такой ответственной, — ласково сказала мама, глядя её по голове. — Мы с папой тобой очень гордимся.

Маша почувствовала укол совести. Настоящая она не часто слышала такие слова. Обычно разговоры сводились к «почему опять бардак?» или «когда ты начнёшь делать уроки вовремя?». А здесь её хвалят просто так, за то, что она есть. Это было приятно, но в то же время немного... неестественно. Словно она попала не в реальный мир, а в декорацию к фильму об идеальной семье.

Вечер пролетел незаметно. Папа пришёл с работы ровно в шесть вечера (в реальном мире он мог задержаться и до восьми). Он тоже выглядел каким-то отдохнувшим и довольным. За ужином они обсуждали прочитанные книги и планы на выходные. Никто не ругался из-за невымытой посуды, не вспоминал про забытую сдачу в магазине. Всё было гладко, как хорошо смазанный механизм.

Но Маша начинала чувствовать странное беспокойство. Всё было слишком хорошо. Слишком правильно. Ей не хватало мелких шероховатостей, к которым она привыкла: маминого ворчания по поводу разбросанных носков, папиного смеха над глупой шуткой по телевизору, даже звука хлюпающего ботинка — и того не хватало. В этом мире её ботинки стояли в прихожей сухие и чистые, начищенные до блеска.

Когда часы в гостиной пробили девять, мама сказала:

— Машенька, пора готовиться ко сну. Завтра в школу, а ты знаешь правило: ложиться не позже десяти.

Маша покорно отправилась в свою комнату. Она уже собиралась лечь в постель (которая, кстати, была застелена свежим бельём без единой складочки), как её взгляд снова упал на зеркало. Ей вдруг безумно захотелось узнать, как там, в её настоящем мире, справляется зеркальная гостья. Она подошла к зеркалу и заглянула в него.

В отражении была та же комната, но уже в привычном, «неправильном» виде. На столе снова царил кавардак, на полу валялся носок. А посреди комнаты стояла Маша-Идеал и смотрела прямо на неё. Выражение её лица было уже не снисходительно-насмешливым, а каким-то... восторженным. Она явно наслаждалась хаосом.

— Эй! — тихо позвала Маша, надеясь, что её услышат. — Как ты там?

Зеркальная девочка услышала. Она приблизилась к стеклу и зашептала, но теперь её голос звучал громче, чем раньше:

— Потрясающе! Ты не представляешь! Я сегодня опоздала на урок! Представляешь, специально шла медленно! И Марья Петровна сделала такое лицо! А потом я нарочно уронила пенал, и все карандаши раскатились по полу! А на физкультуре я не попала по мячу! Не попала! Мяч улетел в окно! Стекло не разбилось, но все смеялись! Это так весело — быть неправильной!

Маша смотрела на свою двойницу и не могла понять, радоваться ей или огорчаться. С одной стороны, она была рада, что её мир пришёлся по вкусу зеркальной гостье. С другой —

ей стало немного обидно: её жизнь, которую она считала чередой сплошных неудач, для кого-то была весельем и приключением.

— А ты не забыла? В полночь мы меняемся обратно? — напомнила Маша.

— Да-да, конечно, — отмахнулась зеркальная Маша. — В полночь. Честное зеркальное слово. Слушай, а можно я ещё завтра у тебя погощу? Ну совсем чуть-чуть? Тут так интересно! Я хочу ещё в столовой подраться булочками или специально испачкать пальто!

— Нет! — твёрдо сказала Маша. — Уговор был на один день. Я хочу домой.

Зеркальная Маша надула губы, совсем как маленькая девочка, которой не дали конфету.

— Ну ладно, — протянула она. — В полночь так в полночь. Только ты не забудь подойти к зеркалу ровно в двенадцать. И я подойду. И мы коснёмся руками. Всё будет, как договаривались.

Маша кивнула и отошла от зеркала. Она улеглась в идеально застеленную кровать и попыталась уснуть, но сон не шёл. Ей было неудобно. Слишком жёсткая подушка, слишком тихо в комнате, слишком тёмно — оказывается, в этом мире на окнах висели плотные шторы, не пропускающие свет уличных фонарей. В её настоящей комнате всегда был виден отблеск фонаря, и это успокаивало. А здесь была чернильная, непроглядная тьма.

Время тянулось медленно. Маша несколько раз вставала, подходила к зеркалу, вглядывалась в отражение. Там было темно, но она знала, что в той комнате тоже ночь и её двойник, наверное, мирно спит в кровати с мятой простынёй, уставшая от дневных приключений. В какой-то момент Маше даже стало завидно: эта самозванка сейчас переживает её жизнь и получает от этого удовольствие!

Наконец, большие напольные часы в гостиной (которых в реальном мире у них не было, а здесь они висели и гулко отсчитывали секунды) начали бить полночь. Маша вскочила с кровати и босиком подбежала к зеркалу. Она прижалась лбом к холодному стеклу, ожидая увидеть там свою двойницу.

Бом... Бом... Бом... — глухо разносилось по квартире.

В зеркале начало светлеть. Сначала появились очертания её реальной комнаты: стул с наброшенной на него кофтой, стол с разбросанными вещами. Потом — фигура девочки, которая медленно подходила к зеркалу с той стороны. Маша облегчённо вздохнула. Вот она, её сменщица. Сейчас они поменяются.

— Ну, давай, — прошептала Маша и протянула руку к стеклу.

Но зеркальная девочка не спешила поднимать свою ладонь. Она остановилась в шаге от зеркала и смотрела на Машу. На её лице играла уже знакомая снисходительная улыбка, но теперь в ней появилось что-то новое. Что-то, от чего у Маши похолодело внутри.

— Знаешь, — медленно, почти по слогам, произнесла зеркальная Маша, — я передумала.

— Что?! — Маша не поверила своим ушам. — Как это — передумала? Ты же обещала! Честное зеркальное слово!

— Ах, слово... — зеркальная девочка отмахнулась, как от назойливой мухи. — Кто его слышал, это слово? Только мы с тобой. А миру всё равно, кто из нас настоящая. Миру нравятся правильные девочки. Но мне, — она сделала шаг вперёд и почти упёрлась носом в стекло, — мне нравится быть неправильной. Оказывается, это намного веселее, чем быть идеальной. У вас, у настоящих, столько всего интересного! Ошибки, сюрпризы, эмоции... Я хочу ещё. Я хочу жить твоей жизнью. А ты... оставайся тут. Здесь тоже неплохо. Чисто, аккуратно, тебя все любят. Чего тебе ещё надо?

— Но это не моя жизнь! — закричала Маша, ударяя ладонями по стеклу. — Это твоя! Ты всё делала правильно, не я! Верни меня обратно! Сейчас же!

Она колотила по зеркалу кулаками, но стекло даже не дрожало. Оно было холодным и твёрдым, как и положено обычному зеркалу. Никакой двери больше не было.

— Не старайся, — спокойно сказала зеркальная девочка. — Зеркало открывается только тогда, когда мы обе этого хотим. А я не хочу. Мне твой мир нужнее. А ты привыкнешь к этому. У тебя тут всё есть. Скучновато, конечно, но зато стабильно. Никаких тебе двоек, никаких луж. Живи и радуйся.

С этими словами зеркальная Маша развернулась и направилась прочь из комнаты. Маша смотрела ей вслед, чувствуя, как к глазам подступают слёзы бессилия и отчаяния. Она осталась одна. В ловушке. В мире, который построен из её несбывшихся правильных поступков. А её настоящая жизнь, с её беспорядком, опозданиями и весёлыми нелепостями, уплывала всё дальше, словно поезд, на который она опоздала.

Маша опустила на пол прямо перед зеркалом. Она смотрела в тёмное стекло, в котором теперь отражалась только идеально убранная комната и маленькая, одинокая фигурка девочки, понявшей, что самое страшное — это не ошибки, а их полное отсутствие. И где-то глубоко внутри неё зазвенел тоненький, но настойчивый голосок: «Ты должна найти способ вернуться. Должна. Ведь если в зеркале нет дверей, значит, их нужно построить самой».

За окном идеального мира шёл безупречный, ровный снег, ложившийся на землю пушистым белым покрывалом без единого изъяна. Но Маша его не видела. Она сидела, обхватив колени руками, и думала о том, что даже самая идеальная жизнь не стоит одного-единственного дня, прожитого по-настоящему.

Глава вторая, в которой идеальный мир оказывается клеткой, а беспорядок становится оружием

Маша не знала, сколько времени просидела на полу перед зеркалом. Ей казалось, что прошла целая вечность, сжатая в тугую комок отчаяния и обиды. Сначала она плакала — тихо, беззвучно, чтобы не разбудить идеальных родителей за стенкой. Слёзы катились по щекам, капали на аккуратно застеленный ковёр, оставляя на нём тёмные пятнышки. Потом слёзы кончились, и осталась только пустота внутри — холодная и липкая, как кисель, который давали в школьной столовой по средам.

Она смотрела в зеркало и видела там только себя — растрёпанную, с красными глазами, в мятой пижаме. Никакого движения, никакого проблеска из того, другого мира. Зеркало стало обычным стеклом, послушно отражающим то, что перед ним. Маша протянула руку и прикоснулась к поверхности. Холодная. Твёрдая. Непроницаемая.

— Вернись, — прошептала она одними губами. — Пожалуйста, вернись.

Но ответа не было. Тишина идеальной квартиры давила на уши. Даже холодильник на кухне гудел как-то приглушённо, почти неслышно, словно боялся нарушить всеобщую гармонию.

Наконец Маша заставила себя подняться. Ноги затекли и не слушались, в коленях покалывало. Она доковыляла до кровати и рухнула на неё лицом в подушку. Подушка была слишком мягкой и пахла лавандой — в реальном мире мама покупала обычный стиральный порошок, от которого бельё пахло просто чистотой, а здесь, видимо, использовали какой-то особый кондиционер. Даже запахи здесь были правильными.

«Что же мне делать?» — мысль вертелась в голове, как заезженная пластинка. Маша вспомнила, как в книжках герои в трудную минуту начинали рассуждать логически. Она попыталась сделать то же самое.

Итак, что мы имеем? Она находится в параллельном мире, который создан из всех её правильных поступков. Здесь живёт её идеальная копия, которая отказалась меняться обратно и заняла место Маши в реальном мире. Зеркало, которое служило дверью, теперь закрыто, потому что для перехода нужно обоюдное желание. А Маша-Идеал желания возвращаться не испытывает — ей слишком нравится быть неправильной.

Вывод? Нужно либо заставить двойницу захотеть вернуться, либо найти другой способ открыть проход. Или третий вариант — смириться и жить здесь. Но этот вариант Маша отвергла сразу, даже не рассматривая. Как бы ни было хорошо в этом вылизанном до блеска мире, он был чужим. Здесь не было настоящей мамы, которая ворчит, но целует перед сном. Не было папы, который рассказывает смешные истории за ужином. Не было старой скрипучей двери в ванную, которую вечно заедает. Не было запаха жжёного сахара, когда мама варит варенье. Здесь всё было правильным, но — ненастоящим. Как красивая картинка в журнале, которую можно разглядывать, но нельзя потрогать.

Маша перевернулась на спину и уставилась в потолок. Он был идеально белым, без единой трещинки или пятнышка. В её настоящей комнате на потолке было жёлтое пятно от того раза, когда соседи сверху залили их водой, и мама долго ругалась с ними по телефону. Маша вдруг поймала себя на том, что ей ужасно не хватает этого пятна. Оно было похоже на очертания острова, и перед сном она часто придумывала истории о пиратах, которые ищут на этом острове сокровища.

— Ладно, — прошептала она, садясь на кровати. — Если эта самозванка думает, что я сдамся и буду тихо сидеть в её стерильной клетке, она сильно ошибается. Я Маша Ветрова, и я не сдаюсь!

Сказано это было довольно громко, и Маша даже испугалась, что разбудит родителей. Но из-за стены не донеслось ни звука. Она на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Тишина. Идеальная, мёртвая тишина. Даже храпа папы не было слышно — а в реальном мире папа иногда так храпел, что мама шутила про взлетающий самолёт.

Маша решила, что раз уж она здесь застряла на неопределённое время, нужно разведать обстановку. Узнать, как устроен этот мир, есть ли в нём какие-то слабые места или секреты. В конце концов, это мир её несделанных правильных выборов — значит, он должен быть как-то связан с ней самой. Может, она сможет найти здесь подсказку, как открыть зеркало?

Она подошла к столу и взяла в руки «Справочник юного идеала» — ту самую книгу в красной обложке, которая привлекла её внимание в первый раз. Книга оказалась увесистой, страницы — плотными, глянцевыми. Маша открыла её наугад и прочитала:

«Глава седьмая. Правильное начало дня. Пункт первый: Подъём должен осуществляться не позднее шести часов тридцати минут утра, независимо от дня недели и времени года. Пункт второй: Утренняя гимнастика обязательна и должна включать не менее двенадцати упражнений на все группы мышц. Пункт третий: Водные процедуры — контрастный душ продолжительностью ровно четыре минуты...»

Маша захлопнула книгу. Бр-р-р. Вставать в полседьмого утра, делать зарядку по расписанию, обливаться попеременно горячей и холодной водой... И это называется идеальная жизнь? Да это же каторга какая-то! Она перелистнула несколько страниц и наткнулась на главу «Правильное питание». Там было расписано меню на каждый день недели с точностью до грамма: понедельник — овсяная каша на воде без соли и сахара, вторник — гречневая каша с минимальным добавлением масла, среда — творог нулевой жирности... Машу передёрнуло. Она вспомнила, как по воскресеньям папа жарил пышные золотистые оладьи, и они с мамой ели их со сметаной и малиновым вареньем, капая на стол и смеясь. Здесь такого, видимо, не было и в помине.

Дальше шли главы: «Правильная осанка», «Правильное дыхание», «Правильное выражение лица в общественных местах» (рекомендовалась «лёгкая полуулыбка, свидетельствующая о доброжелательности, но не переходящая в фамильярность»). Маша читала и чувствовала, как внутри закипает протест. Это не жизнь, а инструкция по эксплуатации робота!

Она отложила книгу и принялась осматривать комнату более внимательно. На полке, помимо «Справочника», стояли другие книги: «Как стать отличником за три месяца», «Этикет для юных леди и джентльменов», «Тайм-менеджмент для школьников», «Правила ухода за

комнатными растениями» (бедный фикус, наверное, его здесь поливали по часам и протирали листья влажной тряпочкой). И ни одной книги сказок или приключений. Ни «Острова сокровищ», ни «Волшебника Изумрудного города», ни даже «Гарри Поттера» — хотя в её реальной комнате они занимали целую полку.

Маша вздохнула и подошла к столу. Выдвинула ящик. Там лежали аккуратно разложенные тетради, ручки, карандаши, линейки. В отдельной коробочке — ластик, точилка, скрепки. Всё по размеру, по цвету. Маша выдвинула другой ящик. Там обнаружился дневник, который она уже видела. Она открыла его на первой странице и прочитала:

«Дневник Мариш Ветровой. Начат 1 сентября сего года с целью фиксации достижений и планирования саморазвития».

Далее шли ежедневные записи. Все они были похожи одна на другую: подъём, зарядка, отличные оценки, дополнительные занятия, похвала учителей, уборка, чтение полезной литературы. Ни одного выходного, ни одной прогулки с друзьями просто так, ни одного «сегодня я ничего не делала, смотрела в окно и мечтала». Маша перелистнула несколько страниц и наткнулась на запись, сделанную на прошлой неделе:

«Среда. Сегодня на уроке литературы обсуждали сказку Андерсена „Снежная королева“. Учительница спросила, кто главный герой. Все сказали — Герда. А я сказала, что главный герой — это сам Андерсен, который показал силу любви и дружбы. Учительница похвалила меня за нестандартное мышление. После урока ко мне подошла Лиза Сорокина и предложила дружить. Я вежливо отказалась, так как согласно плану саморазвития на этот месяц у меня нет времени на дополнительные социальные контакты. Возможно, в следующем квартале, если освободится временной слот».

Маша чуть не поперхнулась. Отказалась от дружбы с Лизкой Сорокиной из-за какого-то плана?! Да она в реальной жизни мечтала, чтобы Лиза с ней заговорила! А здесь — «нет временного слота». Ну и дура же эта Маша-Идеал! Хотя, если подумать, может, она и не дура, а просто... машина? Робот, запрограммированный на правильность?

От этой мысли Маше стало ещё тоскливее. Она захлопнула дневник и сунула его обратно в ящик. Потом её взгляд упал на начатый рисунок кота. Того самого, с зелёными глазами и чёрными усами. Рисунок был выполнен безупречно: ровные линии, аккуратная штриховка, соблюдены все пропорции. Но в нём не было жизни. Настоящая Маша рисовала кривовато, зато её коты всегда выглядели так, словно вот-вот спрыгнут с листа и начнут охотиться за мухами. А этот был красивый, но мёртвый.

Маша решила, что сидеть в комнате и жалеть себя — не выход. Нужно выйти и посмотреть, что творится за пределами этой квартиры. Может, там, на улице, она найдёт что-то, что поможет ей понять, как вернуться. Или хотя бы встретит кого-то, кто не такой идеальный.

Она тихонько приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Темно. Только в конце коридора, на кухне, горел слабый свет — кажется, ночник. Маша на цыпочках прокралась в ванную. Умылась холодной водой, чтобы окончательно проснуться и прогнать остатки сна. Посмотрела на себя в зеркало над раковиной — обычное зеркало, не волшебное. Из него на неё смотрела всё та же Маша: взлохмаченные волосы, веснушчатый нос, серые глаза. Она показала своему отражению язык. Отражение ответило тем же. Никаких сюрпризов.

Маша вернулась в комнату и оделась. В шкафу висела аккуратно выглаженная школьная форма, рядом — стопка белых блузок и водолазок. Ни одной яркой футболки с забавным принтом, ни одних потёртых джинсов с дыркой на коленке, которую она так любила. Маша выбрала наименее официальный наряд: серую юбку и голубую водолазку. В этом она была похожа на ученицу частной школы из какого-нибудь старого английского фильма.

В прихожей она надела аккуратные туфельки (ботинки с хлюпаньем здесь отсутствовали как класс) и тихонько открыла входную дверь. Замок щёлкнул негромко, но в тишине квартиры

этот звук показался выстрелом. Маша замерла, прислушиваясь. В глубине квартиры кто-то заворочался.

— Маша, ты куда? — раздался сонный мамин голос.

Маша замерла, лихорадочно соображая, что ответить. Что бы сделала Маша-Идеал? Точно не стала бы тайком уходить из дома в пять утра. Но она не Маша-Идеал. Она — настоящая Маша.

— Я... мне не спится, мам, — ответила она как можно спокойнее. — Пойду подышу свежим воздухом. Немного пройду и вернусь.

В коридоре послышались шаги, и появилась мама — в том же аккуратном платье, в котором была вечером, словно она и не ложилась спать. Волосы её были идеально уложены, лицо свежее, будто она только что из салона красоты. Она посмотрела на Машу с лёгким беспокойством, но без паники.

— Хорошо, только недолго, — сказала она. — И надень шапку, на улице минус три. Помни, что в семь утра подъём, зарядка, а в восемь завтрак. Не опаздывай.

— Конечно, мам, — кивнула Маша, натягивая серую шапку, которая нашлась на полке для головных уборов. Шапка была колючая и неприятно пахла шерстью. — Я быстро.

Она выскользнула за дверь и осторожно прикрыла её за собой. Подъезд встретил её стерильной чистотой: стены, покрашенные ровной бежевой краской без единой царапины или надписи, чистые ступеньки, натёртый до блеска пол. Даже запах в подъезде был не привычным — смесью кошачьей мочи и щей, — а каким-то цветочным, словно кто-то разлил духи.

Маша спустилась на первый этаж и вышла на улицу. И замерла, поражённая.

Город, в котором она жила всю жизнь, был тем же самым — и в то же время совершенно другим. Те же дома, та же улица, тот же старый тополь у подъезда. Но всё выглядело так, будто кто-то взял гигантский ластик и стёр все несовершенства. Дороги были идеально ровными, без единой выбоины или трещины. Тротуары выложены аккуратной плиткой, без сколов и заплаток. Машины, припаркованные вдоль обочины, стояли ровно по линейке, словно на конкурсе строевой подготовки. На всех были одинаковые чехлы нейтрального серого цвета. Даже фонари горели ровным, без мерцания, белым светом.

Ветки деревьев были аккуратно подстрижены, кроны имели идеальную шарообразную форму. Полиэтиленового пакета, который обычно болтался на тополе, не было и в помине. Газоны зеленели ровной, словно пластмассовой, травкой — хотя на дворе стоял ноябрь, и в реальном мире трава давно пожухла и покрылась инеем. Здесь же была вечная весна? Или, может, искусственное покрытие?

Маша пошла по улице, оглядываясь по сторонам. Город казался нежилым. Слишком тихо. Слишком чисто. Слишком... пусто. Не было слышно ни собачьего лая, ни кошачьего мяуканья, ни гомона ранних прохожих. Хотя часы показывали начало шестого утра — время, когда в нормальном мире дворники уже гремят лопатами, а первые спешащие на работу люди хлопают дверьми подъездов. Здесь же — ни души.

Маша свернула за угол и вышла к небольшому скверу, который в её реальности был местом сбора местных бабушек и мамочек с колясками. Скамейки здесь стояли ровными рядами, покрашенные одинаковой зелёной краской. На одной из них кто-то сидел. Маша ускорила шаг — наконец-то живой человек!

На скамейке сидел мальчик лет двенадцати, одетый в аккуратную курточку и начищенные ботинки. Перед ним на коленях лежала раскрытая книга. Он читал, беззвучно шевеля губами. Маша подошла ближе и кашлянула.

Мальчик поднял голову. У него было приятное лицо, светлые волосы, зачёсанные на пробор, и внимательные серые глаза. Он смотрел на Машу без удивления, словно каждый день встречал в сквере в шесть утра незнакомых девочек.

— Доброе утро, — вежливо сказал он, чуть кивнув. — Прекрасная погода для чтения, не правда ли?

— Э-э... доброе, — ответила Маша, садясь на край скамейки. — А ты что тут делаешь так рано?

— Согласно моему расписанию, — мальчик показал ей часы на запястье, — с пяти сорока пяти до шести тридцати у меня утреннее чтение на свежем воздухе. Это очень полезно для лёгких и концентрации внимания. А ты, вероятно, Маша Ветрова из двадцать третьей квартиры? Я тебя знаю. Ты одна из лучших учениц нашей школы. Твой режим дня обычно предусматривает подъём в шесть тридцать, но сегодня ты, видимо, решила внести коррективы. Похвальная гибкость планирования.

Маша опешила. Даже дети здесь разговаривали как роботы!

— А тебя как зовут? — спросила она.

— Меня зовут Денис Смирнов. Я учусь в седьмом «А» классе. Круглый отличник, победитель городской олимпиады по математике и физике. В свободное время изучаю иностранные языки и играю на скрипке. Очень приятно познакомиться лично, хотя я видел тебя на школьных линейках и в столовой.

Маша почувствовала, что ей нужно быть осторожной. Она не знала, насколько этот мир отличается от её настоящего, и насколько его обитатели могут быть опасны или полезны. Но Денис казался... безобидным. Просто очень-очень правильным.

— Слушай, Денис, — Маша понизила голос, — а тебе никогда не казалось, что вокруг всё какое-то... слишком? Ну, слишком чисто, слишком тихо, слишком правильно?

Денис удивлённо приподнял бровь. Потом задумался.

— Это логичное устройство мира, — сказал он наконец. — Порядок и система — залог эффективного функционирования общества. Любые отклонения от нормы приводят к хаосу и снижению продуктивности. Я читал об этом в «Основах социальной гармонии» для средних классов.

— А тебе не скучно? — не унималась Маша. — Не хочется иногда... ну, побегать по лужам? Или на дерево залезть? Или съесть мороженое не по расписанию?

Денис посмотрел на неё так, словно она предложила ему прыгнуть с крыши без парашюта.

— Бег по лужам нерационален — есть риск испачкать одежду и простудиться. Лазание по деревьям травмоопасно и может повредить кору растений. Употребление мороженого вне установленного графиком приёма пищи нарушает режим питания и может привести к ангине. Зачем делать то, что приносит только вред?

— А как же радость? — тихо спросила Маша.

— Радость? — Денис нахмурился, словно пытаясь вспомнить значение этого слова. — Ах да, эмоциональное состояние удовлетворения. Оно достигается путём выполнения поставленных задач и получения запланированных результатов. Например, когда я решаю сложную задачу по математике, я испытываю чувство, близкое к радости.

— Нет, — Маша покачала головой. — Это не то. Радость — это когда ты делаешь что-то просто так, без плана, и от этого хорошо на душе. Когда смеёшься до слёз над глупой шуткой. Когда находишь красивый камушек на дороге и кладёшь его в карман просто потому, что он красивый.

Денис молчал, переваривая услышанное. Было видно, что его идеально настроенный мозг пытается найти логическое объяснение словам Маши, но не находит.

— Это иррационально, — заключил он наконец. — Но звучит... любопытно. Где ты прочитала о таких вещах? В какой книге?

— Не в книге, — вздохнула Маша. — В жизни. В моей настоящей жизни.

Она тут же прикусила язык, поняв, что сболтнула лишнего. Но Денис, казалось, не заметил оговорок. Или сделал вид, что не заметил.

— Мне пора, — сказал он, поднимаясь. — Через семь минут у меня по расписанию завтрак, затем подготовка к школе. Желаю тебе продуктивного дня, Маша Ветрова.

— И тебе... продуктивного, — пробормотала Маша.

Денис ушёл, чеканя шаг, а она осталась сидеть на скамейке, глядя на идеальный газон и ровные ряды деревьев. Ей стало ещё тоскливее. Даже дети здесь не знали, что такое настоящая радость. Они жили по расписанию, как заводные игрушки. И её двойник, Маша-Идеал, была такой же. Поэтому она так легко предала её — она не знала, что такое настоящая дружба, честное слово, верность. Она руководствовалась только эффективностью и выгодой. Ей показалось выгоднее остаться в реальном мире, где есть приключения и эмоции. А в этом стерильном мире она, видимо, заскучала.

«Но если ей здесь было скучно, — подумала Маша, — значит, и другие могут чувствовать скуку? Просто они не знают, что можно жить иначе?»

Эта мысль показалась ей важной. Если в этом мире есть хоть кто-то, кто способен усомниться в правильности идеального порядка, кто чувствует, что ему чего-то не хватает, — значит, у Маши есть потенциальные союзники. Нужно только найти их.

Она встала со скамейки и решила пройти дальше. Улицы были по-прежнему пустынные, но постепенно начали появляться люди. Они выходили из подъездов ровно в одно и то же время, одетые в одинаково опрятную одежду, с одинаковыми спокойными лицами. Никто не бежал, опаздывая на работу, никто не зевал и не тёр глаза. Все двигались размеренно, как по команде. Маша заметила, что многие сверялись с часами и ускоряли или замедляли шаг в соответствии с каким-то внутренним графиком.

Она дошла до своей школы. Здание было тем же, но выглядело новее и ухоженнее. Крыльцо выметено, окна блестят, табличка с номером школы сияет золотыми буквами. Маша знала, что по расписанию Маши-Идеал она должна прийти в школу к началу уроков. Но ей не хотелось туда идти. Она не знала, как себя вести, не знала программы, не знала, кто её одноклассники в этом мире. Но с другой стороны, школа — это место, где она может встретить больше людей и понять, как всё устроено.

Маша вздохнула и направилась к дверям. Внутри школа тоже была идеальной: чистые коридоры, стены, украшенные ровными рядами грамот и стенгазет, на которых всё было выведено каллиграфическим почерком и разлиновано по линейке. В раздевалке висели одинаковые вешалки с номерками. Маша нашла своё место — оно было подписано «Ветрова М.». Рядом висела такая же аккуратная курточка Дениса Смирнова с табличкой «Смирнов Д.».

Маша переобулась в сменку (идеально чистые белые тапочки) и пошла искать свой класс. На дверях кабинетов висели таблички с номерами и названиями. Её класс был на втором этаже — 5 «А». Маша вошла и увидела ту же комнату, что и в реальности, только парты стояли ровными рядами, на каждой лежали учебники и тетради, разложенные с геометрической точностью. Ученики уже сидели на своих местах — все как один с прямой спиной и руками, сложенными перед собой. Никто не болтал, не смеялся, не кидался ластиками.

Маша нашла свою парту — вторая в среднем ряду, за ней сидела девочка с двумя идеально ровными косичками. Она подняла глаза на Машу и улыбнулась той самой «лёгкой полуулыбкой», которая рекомендовалась в справочнике. Маша села рядом и огляделась.

В классе она узнала некоторых ребят из своей реальной жизни. Вот Лизка Сорокина — сидит за первой партой, прямо перед учительским столом, и смотрит на доску с выражением полной готовности. Вот Коля Петров — в реальности главный хулиган и двоечник, а здесь он сидит смирно, в аккуратном костюмчике, и даже не пытается дёрнуть соседку за косичку. Все были какими-то... одинаковыми. Как куклы в витрине магазина.

Прозвенел звонок — мелодичный, нерезкий, похожий на перезвон колокольчиков. В класс вошла Марья Петровна — та же учительница математики, но здесь она выглядела лет на десять моложе и улыбалась приветливой дежурной улыбкой.

— Доброе утро, класс, — сказала она.

— Доброе утро, Марья Петровна, — хором ответили ученики, и Маша поспешила присоединиться к хору, чтобы не выделяться.

Урок начался. Марья Петровна объясняла новую тему — что-то про проценты и дроби. Маша слушала вполуха, наблюдая за одноклассниками. Все они старательно записывали, поднимали руки, отвечали чёткими, заученными фразами. Никто не ошибался, никто не задавал глупых вопросов. Даже Коля Петров решил пример у доски без единой помарки. Это было жутковато.

На перемене все организованно вышли в коридор, но не бегали и не кричали, а спокойно прохаживались парами, обсуждая, судя по обрывкам фраз, предстоящие контрольные и дополнительные занятия. Маша подошла к окну и стала смотреть на школьный двор. Там, на идеально ровной площадке, несколько ребят играли в мяч — но играли как-то вяло, без азарта, словно выполняли упражнение. Мяч летал по строго заданной траектории, никто не падал, не смеялся, не спорил из-за гола.

— Скучаешь? — раздался голос рядом.

Маша обернулась. Рядом стояла Лиза Сорокина. В реальном мире Лиза была высокой, немного нескладной девочкой с вечно растрёпанной чёлкой, которая всё время поправляла очки. Здесь она была в аккуратном платье, с идеальной причёской, а очки её были не простыми, а в тонкой золотой оправе, придававшей ей солидный вид.

— Немного, — призналась Маша. — А ты?

— Я? — Лиза чуть удивилась вопросу. — У меня всё по плану. Сегодня после уроков шахматный кружок, потом музыкальная школа, потом подготовка к олимпиаде по русскому. Скучать некогда.

— А для души что-нибудь делаешь? — спросила Маша.

— Для души? — Лиза нахмурилась. — Ты имеешь в виду, для эмоциональной разгрузки? В моём расписании предусмотрено пятнадцать минут релаксации перед сном. Я слушаю классическую музыку или читаю афоризмы великих людей. Это успокаивает.

Маша вздохнула. Всё то же самое. Даже Лиза, которая в реальности была хоть и отличницей, но живой, весёлой, иногда списывала у Маши физику, здесь превратилась в робота.

— Лиза, — Маша понизила голос и оглянулась, не подслушивает ли кто. — А ты когда-нибудь мечтала? Ну, не по плану, а просто так — о чём-то несбыточном? Например, полететь на Луну? Или найти клад? Или чтобы тебе подарили щенка?

Лиза посмотрела на неё долгим взглядом. В её глазах мелькнуло что-то, похожее на воспоминание, но тут же погасло.

— Мечты без плана — это бесполезная трата ментальной энергии, — отчеканила она, явно цитируя какой-то учебник. — Если я захочу полететь на Луну, я составлю план: поступлю в аэрокосмический институт, пройду подготовку, стану космонавтом. А щенок... — она запнулась. — Щенок требует ухода, выгула, прививок. Это нарушит мой режим дня. Но... иногда я смотрю на собак в парке. У них такие смешные хвосты.

Последнюю фразу Лиза произнесла почти шёпотом и тут же испуганно оглянулась, словно сказала что-то запретное. Маша заметила этот проблеск живого чувства и ободряюще улыбнулась.

— Я тоже люблю собак, — сказала она. — У меня в... у меня была мечта завести таксу. Они такие длинные и смешные.

Лиза ничего не ответила, но уголки её губ дрогнули в настоящей, а не дежурной улыбке. Это была маленькая победа.

Прозвенел звонок на следующий урок. Маша поплелась в класс, чувствуя, что этот день будет очень, очень долгим. Ей предстояло притворяться идеальной ученицей, чтобы не вызвать подозрений. К счастью, уроки здесь были построены так, что практически исключали нежиз-

данности: учителя спрашивали строго по списку, задания были типовыми, ответы — стандартными. Маша кое-как справлялась, напрягая остатки памяти о том, чему её учили в реальной школе. Благо, программа, кажется, совпадала.

На уроке русского языка они писали сочинение на тему «Мой идеальный день». Маша уставилась на чистый лист, не зная, что писать. Её идеальный день точно не был похож на расписанный по минутам график здешней жизни. Она подумала, вздохнула и начала писать:

«Мой идеальный день начинается с того, что я просыпаюсь сама, без будильника, от того, что солнце светит в окно. Я долго валяюсь в постели, придумывая разные истории. Потом на кухне папа жарит оладьи, и мы едим их всей семьёй, смеясь и разговаривая о всякой ерунде. Потом я иду гулять с друзьями в парк, мы лазаем по деревьям, кормим уток в пруду и едим мороженое, даже если холодно. Вечером мы смотрим старый фильм, закутавшись в плед, и пьём какао. И никто не смотрит на часы, не сверяется с расписанием. Потому что главное в идеальном дне — это не то, сколько ты успел сделать полезного, а сколько счастливых моментов ты прожил».

Она перечитала написанное и испугалась. Это было совершенно не похоже на то, что ожидала увидеть учительница. Сейчас её вызовут к доске, начнут стыдить... Маша уже хотела порвать листок и написать что-нибудь «правильное», но передумала. Будь что будет. Это её мир, пусть и запертый в клетку идеальности, и она имеет право говорить то, что думает.

Когда учительница собирала тетради, Маша с замиранием сердца ждала, что её работу прочитают вслух как пример неправильного мышления. Но ничего не произошло. Учительница просто взяла тетрадь, мельком глянула на первую страницу и положила в стопку к остальным. То ли ей было всё равно, то ли она не ожидала увидеть что-то, выходящее за рамки стандарта, и потому не вчитывалась.

Уроки закончились. Маша вышла из школы с огромным облегчением. Ей казалось, что она провела в этих стенах целую неделю, а не один день. Она решила, что не пойдёт домой по расписанию Маши-Идеал, которое, судя по дневнику, включало обед, уборку и дополнительные занятия. Она пойдёт гулять. Будет исследовать этот странный мир дальше. Может, найдёт что-то важное.

Она бесцельно бродила по улицам, сворачивая то в один двор, то в другой. Везде было одно и то же: чистота, порядок, тишина. Она уже начала отчаиваться, как вдруг заметила нечто необычное. На стене одного из домов, в глубине двора, виднелось цветное пятно. Маша подошла ближе и ахнула.

На серой бетонной стене кто-то нарисовал... граффити. Это был неуклюжий, явно сделанный не профессиональным художником, а ребёнком, рисунок мелом. На нём был изображён смешной человечек с круглой головой и растопыренными руками, а рядом — кривоватая надпись: «Здесь был Вася».

Маша не поверила своим глазам. Неужели в этом стерильном мире нашёлся кто-то, кто нарушил правила? Она огляделась. Двор был пуст, только на скамейке сидела старушка в аккуратном платочке и читала газету. Маша подошла к ней.

— Извините, — вежливо сказала она, — а вы не знаете, кто нарисовал это? — она указала на граффити.

Старушка подняла голову, поправила очки и посмотрела на рисунок. Её лицо осталось бесстрастным.

— Ах, это, — сказала она скрипучим голосом. — Это хулиганство. Коммунальные службы должны были закрасить ещё вчера. Надо будет напомнить им. В нашем районе такого быть не должно. Это нарушает эстетическую гармонию.

— Но, может, это просто ребёнок пошутил? — осторожно спросила Маша. — Может, ему просто захотелось что-то нарисовать?

— Для рисования есть специально отведённые места и часы, — отрезала старушка. — В Доме детского творчества по средам и пятницам с шестнадцати до восемнадцати. А стены — это общественное имущество, портить его недопустимо.

Маша вздохнула и отошла. Но рисунок её заинтересовал. Он был как глоток свежего воздуха в этом стерильном мире. Значит, даже здесь есть кто-то, кто не вписывается в идеальные рамки. Кто-то по имени Вася. И Маша решила найти этого Васю.

Она продолжила бродить по городу, внимательно глядя по сторонам в поисках других следов неправильности. И они находились! То тут, то там она замечала мелкие отклонения от нормы: слегка покосившийся заборчик (видимо, его ещё не успели выровнять), забытый кем-то на скамейке фантик от конфеты (обычно здесь не мусорили), сбившийся с ритма светофор, который мигал жёлтым чуть дольше положенного. Эти крошечные несовершенства казались Маше драгоценными камнями, рассыпанными по серому идеальному полотну.

Ближе к вечеру, когда небо начало окрашиваться в ровные, без полутонов, оранжево-розовые цвета (закат здесь тоже был каким-то неестественно аккуратным), Маша забрела в старую часть города, которую в реальности давно собирались снести, но всё никак не смогли. Здесь дома были пониже, пообшарпаннее, и идеальный порядок чувствовался меньше. Видимо, сюда руки коммунальных служб доходили в последнюю очередь.

В одном из дворов, окружённом старыми кирпичными домами, Маша услышала странный звук. Это был... смех. Настоящий, залихватский детский смех, какой она не слышала здесь с момента своего появления. Маша пошла на звук и увидела небольшую компанию ребят, которые играли в классики, начерченные мелом на асфальте. Но играли они не по правилам — они прыгали как попало, толкались, хохотали. Одна девочка упала, испачкала платье, но не заплакала, а рассмеялась ещё громче.

Маша замерла, боясь спугнуть это чудо. Ребята были примерно её возраста или чуть младше. Они не были похожи на остальных жителей идеального города — их одежда была слегка помята, волосы растрёпаны, лица живые и весёлые.

В центре этой группы стоял мальчик с копной рыжих волос, которые торчали во все стороны, как иголки у ежа. Его веснушчатое лицо сияло озорной улыбкой. Он заметил Машу и помахал ей рукой.

— Эй, новенькая! Иди к нам! Ты что, тоже из «правильных» сбежала?

Маша подошла ближе. Сердце её колотилось от радости — наконец-то живые люди!

— Я... да, наверное, сбежала, — ответила она. — Меня Маша зовут. А вас?

— Я Вася, — гордо сказал рыжий мальчик. — А это моя команда. Мы — те, кто не вписывается.

Маша ахнула.

— Так это ты нарисовал «Здесь был Вася» на стене в центре?

Вася гордо кивнул.

— Ага. Я везде рисую. На заборах, на асфальте, на старых домах. Мне нравится оставлять следы. А то здесь всё такое... стерильное. Как в больнице. Противно.

— Но разве за это не наказывают? — удивилась Маша. — Здесь же всё по правилам.

— Наказывают, — Вася пожал плечами. — Водят к школьному психологу, заставляют писать объяснительные, ставят на учёт. Но мне всё равно. Я не могу жить по их расписанию. У меня внутри всё бурлит и требует выхода. Я хочу рисовать, бегать, кричать, придумывать глупости. А они хотят, чтобы я сидел смирно и решал уравнения.

Девочка, которая упала и испачкалась, подошла и встала рядом с Васей. У неё были светлые волосы, заплетённые в две растрёпанные косички, и озорные голубые глаза.

— Меня Катя зовут, — сказала она. — Я тоже не вписываюсь. Люблю петь песни, которые сама придумываю, и танцевать под дождём. А здесь дождь идёт только по расписанию, два раза в неделю, с трёх до четырёх, и все сидят по домам. Скукота.

— А я Миша, — представился третий мальчик, круглолицый и улыбочивый. — Я люблю собирать всякие железки и мастерить из них роботов. Но в кружке робототехники нам дают только готовые наборы и заставляют собирать по инструкции. А я хочу сам придумывать!

Маша смотрела на них с восхищением. Эти ребята были как она! Они чувствовали, что идеальный мир — это клетка, и пытались вырваться из неё, каждый по-своему. Вася — через рисунки, Катя — через песни, Миша — через изобретательство.

— Слушайте, — сказала Маша, понизив голос, — а вы знаете что-нибудь о зеркалах? О волшебных зеркалах, через которые можно попасть в другой мир?

Ребята переглянулись. Вася нахмурился, почёсывая затылок.

— Зеркала? У нас дома зеркало висит, обычное. А что, бывают волшебные?

— Бывают, — уверенно сказала Маша. — Я через такое сюда попала. Из другого мира. Настоящего. Там всё не так, как здесь. Там люди ошибаются, опаздывают, ссорятся, мирятся, смеются и плачут. Там жизнь — настоящая, а не по расписанию.

Ребята слушали, раскрыв рты. Для них рассказ Маши звучал как самая невероятная сказка.

— И ты хочешь вернуться? — спросила Катя.

— Очень хочу, — кивнула Маша. — Но моё зеркало закрылось. Моя двойница, которая живёт здесь, поменялась со мной местами и не хочет меняться обратно. Ей понравилось в моём мире. А я застряла тут.

— Вот это да... — протянул Миша. — А если найти другое зеркало? Может, через него можно вернуться?

— Не знаю, — вздохнула Маша. — Я даже не знаю, как эти зеркала работают. Может, только то самое, через которое я прошла, может открыться. Или... может, если здесь станет так же весело и непредсказуемо, как в моём мире, зеркало само захочет открыться? Или моя двойница заскучает и захочет обратно?

Вася вдруг хлопнул себя по лбу.

— Слушай, Маша! А что, если мы тебе поможем? Мы всё равно тут самые неправильные. Можем устроить такой кавардак в этом идеальном городе, что твоя двойница мигом прибежит обратно наводить порядок! Или зеркало от удивления откроется!

Маша задумалась. Идея была безумной, но в ней что-то было. Если этот мир построен на порядке и правильности, то хаос может нарушить его равновесие. И тогда, возможно, откроется проход.

— А вы не боитесь, что вас накажут? — спросила она.

— Наказывать нас уже нечем, — махнул рукой Вася. — Мы и так на особом учёте у школьного психолога. А дальше что — в тюрьму посадят? У них тут даже тюрьмы, наверное, с белыми стенами и по расписанию. Скучно.

Ребята засмеялись. Маша почувствовала, как впервые за долгое время у неё на душе потеплело. У неё появились друзья. И план. Пусть и безумный.

— Тогда давайте думать, — сказала она, садясь на скамейку. — Что мы можем сделать, чтобы нарушить идеальный порядок?

— Я могу нарисовать смешные рожицы на всех зеркалах в городе! — предложил Вася.

— А я могу научить ребят петь неправильные песни, — подхватила Катя. — Чтобы они пели не по нотам, а как душа велит.

— А я сделаю робота, который будет специально всё ломать, — мечтательно протянул Миша. — Ну, не сильно, а так, чуть-чуть. Чтобы порядок нарушить.

— А я... — Маша задумалась. — А я попробую найти других, кто чувствует, что здесь что-то не так. Я уже встретила Дениса и Лизу. Мне кажется, в них тоже теплится искорка настоящей жизни. Может, удастся их расшевелить.

— Точно! — обрадовался Вася. — Чем больше нас будет, тем веселее! Устроим революцию непослушания!

— Только давайте осторожно, — предупредила Маша. — Мы не хотим никому навредить. Мы просто хотим показать, что жизнь не может быть идеальной, и что в несовершенствах — своя прелесть. И заодно, может быть, вернуть меня домой.

Они проговорили до самых сумерек, строя планы один фантастичнее другого. Маша рассказала им о своём мире: о лужах, в которых можно прыгать, о котах, которые спят на учебниках, о невкусной манной каше с комочками, о том, как весело опаздывать на урок и придумывать нелепые оправдания, о шуршании осенних листьев под ногами и о том, как папа жарит оладьи по воскресеньям.

Ребята слушали, затаив дыхание. Их глаза горели. Для них, выросших в стерильном мире, рассказы Маши были окном в другую, настоящую жизнь.

Когда стемнело, Маша вспомнила, что ей пора возвращаться «домой», чтобы не вызывать подозрений у идеальных родителей. Они договорились встретиться завтра в это же время в том же дворе и начать действовать.

По пути домой Маша думала о том, как странно устроена жизнь. Она всегда считала свой мир полным недостатков и мечтала о том, чтобы всё было идеально. А теперь, оказавшись в мире, где всё идеально, она поняла, что самое ценное — это именно несовершенства. В них — жизнь, тепло, душа. И она сделает всё возможное, чтобы вернуться обратно. В свой неидеальный, но такой родной мир.

Подходя к своему подъезду, она заметила, что на скамейке у дома кто-то сидит. Это был Денис Смирнов, тот самый мальчик-отличник. Он смотрел на неё и, кажется, ждал.

— Маша, — сказал он, когда она подошла. — Я хотел спросить. То, что ты говорила утром про радость... Я много думал об этом. И я не нашёл ответа в книгах. Но я... я чувствую, что ты права. Что-то здесь не так. Я живу по расписанию, всё делаю правильно, а счастливым себя не чувствую. Это нормально?

Маша улыбнулась. Ещё один росток настоящей жизни пробился сквозь асфальт идеальности.

— Это абсолютно нормально, Денис, — сказала она. — И знаешь что? Приходи завтра после школы во двор на Старой улице. Я познакомлю тебя с ребятами, которые тоже так чувствуют.

Денис кивнул. В его глазах впервые за всё время мелькнул живой, неподдельный интерес.

Маша поднялась в квартиру, поужинала идеальным ужином (овощное рагу без соли и сахара, компот из сухофруктов без сахара), пожелала родителям спокойной ночи и легла в кровать. За окном идеально ровным слоем падал снег, укрывая землю безупречным белым одеялом. Но теперь Маша смотрела на него не с тоской, а с надеждой. У неё появилась цель. И друзья. И план.

Она повернулась к зеркалу, стоящему в углу. В нём отражалась она сама и аккуратная комната. Никакого движения. Но Маша больше не чувствовала отчаяния.

— Ничего, — прошептала она, глядя в зеркальную глубину. — Мы ещё посмотрим, кто кого. Ты думаешь, что заперла меня здесь. А на самом деле ты сама не знаешь, с кем связалась. Я — Маша Ветрова. И я обязательно вернусь домой. Даже если для этого мне придётся перевернуть весь твой идеальный мир вверх дном.

Зеркало молчало. Но Маше показалось, или в его глубине что-то едва заметно дрогнуло? Словно само стекло почувствовало решимость девочки, которая больше не боялась быть собой — неидеальной, но живой.

С этими мыслями Маша закрыла глаза и впервые за время своего заточения уснула спокойным, почти счастливым сном. Ей снился дом. Настоящий дом. И папа, жарящий оладьи на скворчащей сковородке. И мама, которая ворчала на разбросанные носки, но при этом улы-

балась. И старый фикус, который она забывала поливать. И даже хлюпающий ботинок — тот самый, из-за которого всё началось.

А в реальном мире, за зеркальной гранью, Маша-Идеал, сидя за столом, заваленным фантиками и огрызками яблок, с удивлением разглядывала свой первый в жизни синяк на коленке, полученный при попытке прокатиться на скейтборде. И где-то глубоко внутри её совершенного сознания впервые шевельнулось сомнение: а так ли уж хороша эта неправильная жизнь, как казалось вначале? Но это уже совсем другая история.

Глава третья, в которой беспорядок становится искусством, а идеальный мир даёт первую трещину

Утро в идеальном мире наступило ровно в тот момент, когда будильник на прикроватной тумбочке показал шесть часов тридцать минут. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Маша открыла глаза и первым делом посмотрела на зеркало. Оно стояло в углу, всё такое же тёмное и непроницаемое, отражая аккуратно застеленную кровать и девочку со взлохмаченными после сна волосами. Вздохнув, Маша села и потянулась. Сегодня она чувствовала себя иначе — не такой потерянной и несчастной, как вчера. В груди теплилась маленькая, но упрямая искорка надежды. У неё появились друзья. У неё появился план. И хотя план этот был, прямо скажем, безумным, он был лучше, чем ничего.

Маша встала и, вместо того чтобы немедленно идти в ванную чистить зубы по расписанию, подошла к окну. За окном расстился всё тот же безупречный пейзаж: ровные ряды подстриженных кустов, идеально расчищенные дорожки, серое ноябрьское небо без единого облачка — ни клочка ваты, ни рваного края, просто ровная серая простыня, натянутая над городом. Маша прижалась лбом к холодному стеклу и высунула язык, оставив на прозрачной поверхности запотевшее пятнышко. Маленькое, несовершенное, но её собственное. Она улыбнулась. Это был её первый акт непослушания за сегодня.

— Маша, ты уже встала? — раздался из-за двери мамин голос. Он звучал ровно, без ноток раздражения или спешки. Идеальный голос идеальной мамы.

— Да, мам, — отозвалась Маша. — Сейчас выйду.

Она нарочно не стала заправлять кровать так, как это было принято в этом мире — с идеально ровными складками и подушкой, взбитой до состояния параллелепипеда. Вместо этого она просто натянула одеяло кое-как, оставив на нём несколько складок, и плюхнула подушку сверху. В реальном мире мама назвала бы это «свинарником», но здесь, в мире тотальной чистоты, такая мелочь казалась почти революцией.

В ванной Маша почистила зубы, но вместо того чтобы положить тюбик пасты ровно на полочку этикеткой вперёд, она оставила его лежать криво, колпачком вниз. Потом она умылась и, глядя в маленькое зеркальце над раковиной, соорудила себе рожицу — высунула язык, сложила глаза к носу. Отражение послушно повторило. Маша хихикнула. Как мало, оказывается, нужно для бунта!

На кухне её ждал идеальный завтрак: овсяная каша на воде, ломтик серого хлеба с тонким слоем несолёного масла и стакан тёплого молока. Маша села за стол и с тоской посмотрела на тарелку. В реальном мире она бы с удовольствием съела бутерброд с колбасой и запила сладким чаем. А здесь — сплошная польза и ни капли радости. Она взяла ложку и начала есть, но при этом нарочно капнула кашей на скатерть. Мама, сидевшая напротив с чашкой травяного настоя, заметила это и чуть нахмурилась.

— Машенька, аккуратнее. Ты же знаешь, как важно соблюдать чистоту во время трапезы.

— Извини, мам, — сказала Маша, но в голосе её не было раскаяния. Она взяла салфетку и вытерла пятно, оставив после себя чуть заметный мокрый след на безупречной ткани.

После завтрака Маша оделась в школьную форму и вышла из дома. На улице она специально пошла не по выложенной плиткой дорожке, а по газону, оставляя на идеальной траве

следы своих туфелек. Трава была жёсткой, словно пластмассовой, и почти не приминалась, но Маше было всё равно. Она шла и думала о предстоящей встрече с ребятами.

В школе всё шло своим чередом. Уроки сменяли друг друга с точностью часового механизма. Маша сидела за партой, делала вид, что слушает, а сама украдкой наблюдала за одноклассниками. Вот Лиза Сорокина, сидящая впереди, старательно выводит буквы в тетради. Её спина прямая, как струна, ручка движется с идеальной скоростью. Маша наклонилась чуть вперёд и шепнула ей в затылок:

— Лиза, а ты когда-нибудь рисовала на полях тетради смешные рожицы?

Лиза вздрогнула и обернулась. В её глазах мелькнуло смятение.

— Зачем? Это не предусмотрено правилами оформления тетрадей. У нас за это снижают оценку за аккуратность.

— А ты попробуй, — так же шёпотом продолжала Маша. — Вот смотри.

Она быстро нарисовала на полях своей тетради маленького человечка с круглыми глазами и улыбкой до ушей. Человечек получился кривоватый, но очень смешной. Маша показала его Лизе. Лиза посмотрела на рисунок, и уголки её губ дрогнули. Но она тут же отвернулась и ещё усерднее принялась писать.

На перемене Маша подошла к Денису Смирнову, который, как всегда, стоял у окна и смотрел на школьный двор с видом философа, решающего мировые проблемы.

— Ну что, Денис, надумал? — спросила она, становясь рядом.

Денис повернул голову. Сегодня он выглядел немного иначе — не таким отстранённым, как вчера. В его глазах появилось что-то похожее на живой интерес.

— Я всю ночь думал, Маша, — признался он. — Перечитал «Основы рационального поведения» и «Этику для подростков». Но нигде не нашёл ответа на вопрос, почему при полном соблюдении всех правил я не чувствую того, что ты называешь радостью. Это... это тревожит меня. Как ошибка в математической формуле, которую я не могу найти.

— Потому что в книгах этого нет, Денис, — мягко сказала Маша. — Это не формула. Это чувство. Его нельзя вычислить, его можно только испытать. Хочешь, приходи сегодня после уроков в старый двор на Садовой улице. Мы с ребятами собираемся... ну, в общем, делать то, что здесь не принято.

Денис задумался. Было видно, что в его идеально устроенной голове происходит борьба между многолетними привычками и новым, незнакомым любопытством.

— А что именно вы собираетесь делать? — осторожно спросил он.

— Увидишь, — загадочно улыбнулась Маша. — Обещаю, скучно не будет.

Прозвенел звонок, и они разошлись по классам. На следующем уроке, истории, учительница рассказывала о великих правителях прошлого, которые установили порядок в своих государствах. Маша слушала вполуха, а сама рисовала в тетради план действий. Она решила, что сегодня они начнут с малого: внесут немного хаоса в те места, где порядок особенно строг. Вася будет рисовать, Катя — петь, Миша — изобретать. А она сама попробует расшевелить остальных.

После уроков Маша, не заходя домой, направилась напрямик в старый двор на Садовой улице. Это место она нашла вчера совершенно случайно и сразу почувствовала, что здесь что-то иное. Может, потому что дома тут были старые, с облупившейся кое-где краской, и коммунальные службы ещё не успели привести их к идеальному стандарту. А может, потому что в этом дворе росло настоящее дерево — корявая старая липа с искривлённым стволом, которую почему-то не спилили и не заменили ровным саженцем.

Когда Маша пришла, Вася, Катя и Миша уже ждали её, сидя на старой, чуть покосившейся скамейке. Вася, как всегда, был взъерошен и улыбался во весь рот. В руках он держал потрёпанную холщовую сумку, из которой торчали разноцветные мелки.

— Привет, Маша! — закричал он, завидев её. — Мы уже заждались! У меня с утра руки чешутся что-нибудь нарисовать. Представляешь, сегодня утром я нарисовал на двери подъезда улыбающуюся рожицу, а через час её уже закрасили! Пришёл дядька в синем комбинезоне с ведром краски и аккуратненько так замазал. Даже обидно стало — я так старался, а он раз — и нету.

— Ничего, Вася, — подбодрила его Маша. — Сегодня мы нарисуем столько, что они не успеют всё закрасить.

— У меня тоже есть идея! — подхватила Катя. Она была одета в ярко-жёлтую куртку — единственное цветное пятно в серо-бежевой гамме здешней одежды. — Я вчера вечером, перед сном, вместо того чтобы слушать классическую музыку для релаксации, сочинила песню. Вот послушайте.

Она откашлялась и запела тоненьким, но звонким голосом:

*«В идеальном мире скучно жить,
Негде бегать, не с кем дружить.
Всё по плану, всё по часам,
Даже радость делят пополам.
А я хочу петь и плясать,
Лужи мерить и в небо летать!
Пусть ругают, пусть говорят —
Я свободна, я не солдат!»*

Мелодия была простая, но запоминающаяся, а слова — такие близкие и понятные каждому из них. Маша захлопала в ладоши.

— Катя, это замечательно! Надо, чтобы как можно больше ребят слышали эту песню. Может, они тоже заходят петь её?

— Я уже пробовала, — вздохнула Катя. — Сегодня на перемене запела тихонько, так дежурный учитель сделал мне замечание. Сказал, что петь в школе можно только на уроках музыки и только то, что в программе.

— Значит, будем петь там, где нет дежурных, — решительно сказала Маша. — В парке, во дворах, на детских площадках.

Миша, который до этого молчал и что-то сосредоточенно крутил в руках, вдруг протянул им свою поделку. Это была небольшая конструкция из проволоки, пружинок и колёсиков, собранная из деталей старого конструктора.

— Смотрите, что я сделал, — сказал он с гордостью. — Это «Творитель Беспорядка», модель один. Он умеет разбрасывать мелкие предметы. Вот, глядите.

Миша поставил механизм на скамейку, завёл маленький ключик, и «Творитель» задрезжал, жажужжал и начал медленно ползти вперёд, раскидывая по сторонам мелкие камушки и кусочки бумаги, которые Миша предусмотрительно загрузил в специальный контейнер.

— Ух ты! — восхитился Вася. — Вот это штука! С её помощью можно устроить небольшой беспорядок где угодно.

— Только надо доработать, — озабоченно сказал Миша. — А то он пока медленный и шумный. Но я над этим работаю.

Маша смотрела на своих новых друзей и чувствовала, как сердце наполняется теплом. Они были такими разными, но их объединяло одно — желание жить по-настоящему, а не по инструкции.

— Ребята, — сказала она, оглядевшись по сторонам и понизив голос, — у нас есть ещё один потенциальный союзник. Помните, я рассказывала про Дениса Смирнова, круглого отличника? Он обещал прийти. Мне кажется, он тоже чувствует, что здесь что-то не так, но боится признаться себе в этом.

— Отличник? — скривился Вася. — Эти отличники — самые правильные. Они нас, неправильных, за версту обходят. Думаешь, ему можно доверять?

— Я думаю, да, — кивнула Маша. — Он не такой, как остальные. Он думает. А когда человек начинает думать, он рано или поздно понимает, что идеальный порядок — это не жизнь, а клетка.

И словно в подтверждение её слов, в арке, ведущей во двор, показалась фигура. Это был Денис — в своём аккуратном пальто, с ровным пробором и начищенными ботинками. Он неуверенно шагнул вперёд и остановился, разглядывая компанию на скамейке.

— Здравствуйте, — вежливо сказал он. — Я пришёл.

— Проходи, Денис, — приветливо сказала Маша. — Знакомься, это Вася, Катя и Миша. Они мои друзья.

Денис кивнул и сел на край скамейки, стараясь не испачкать пальто о старую деревяшку. Ребята смотрели на него с настороженным любопытством.

— Слушай, отличник, — напрямик спросил Вася, — а ты не боишься, что тебя увидят с нами? Мы ведь здесь главные нарушители порядка. У нас даже характеристики от школьного психолога имеются: «Склонен к девиантному поведению» и «Недостаточно социализирован».

Денис чуть покраснел, но ответил твёрдо:

— Я много думал после вчерашнего разговора с Машей. Я понял, что все мои достижения, все пятёрки и грамоты... они не приносят мне того, что я ожидал. Я думал, что если буду всё делать правильно, то стану счастливым. Но я не стал. А вы, хоть вас и называют нарушителями, выглядите... живыми. И Маша говорила о каком-то другом мире, где всё по-другому. Я хочу понять. Хочу попробовать.

Вася переглянулся с Катей и Мишей, потом улыбнулся широко и протянул Денису руку.

— Ну, тогда добро пожаловать в нашу команду, отличник. Будешь нашим мозговым центром. А то мы всё больше руками и ногами работаем, а стратегии у нас не хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.